

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 3 (39). С. 220–228

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2021, vol. 10, iss. 3 (39), pp. 220–228

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-220-228>

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой»: детерминанты и предпосылки (на примере экстремистских групп)

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

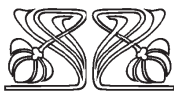
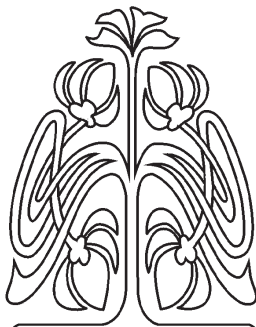
Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, gjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Представлены результаты теоретической рефлексии основных предпосылок и детерминант экстремизма как сложного социально-психологического явления, представляющего серьезную угрозу безопасности во всем мире. Цель: изучение социальных и социально-психологических детерминант, способствующих и приводящих к разрыву связей в диаде «Я – Другой» как фундаментальном основании социальности (на примере экстремистских групп). Выявлены социальные и социально-психологические факторы (социальная напряженность, нестабильность, неопределенность, стратифицированная социальная изоляция, статус группы, воспринимаемая дискриминация, групповая идеология), выступающие предпосылками экстремизма, которые в комплексе с психологическими предикторами способствуют разрыву связей в диаде «Я – Другой». На примере экстремистских групп показано, что разрыв указанных связей приводит, с одной стороны, к гипертрофированному чувству «Мы», размыванию индивидуальности, обесцениванию собственной жизни и «стиранию себя» на фоне группового превосходства и нарциссизма, а с другой стороны, обезличиванию, демонизации и дегуманизации Другого, позиционированию его как не(до)человека, безликого врага. Установлено, что разрыву связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой» способствует процесс, связанный с утратой личностью собственного «Я» как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира и заменой ее коллективным «Мы». Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в возможности использования результатов проведенного анализа для разработки профилактических социально-психологических программ и тренингов, направленных на предупреждение экстремизма и религиозного радикализма в молодежной среде.

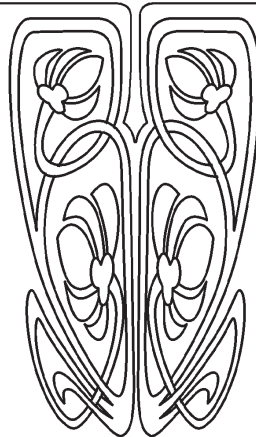
Ключевые слова: репрезентации взаимодействия «Я – Другой», тотальный разрыв связей, экстремистские группы, групповая идеология, сверхценные убеждения, групповой нарциссизм, чувство «Мы», обезличивание Другого, дегуманизация Другого

Для цитирования: Рягузова Е. В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой»: детерминанты и предпосылки (на примере экстремистских групп) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 3 (39). С. 220–228. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-220-228>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Breaking connections in the representations of “I – Stranger” interaction: Determinants and prerequisites (the case study of extremist groups)

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The article presents the results of a theoretical reflection on the main prerequisites and determinants of extremism as a complex socio-psychological phenomenon which poses a serious threat to international security. Purpose: to study social and socio-psychological determinants which contribute to and lead to breaking connections in the “I – Stranger” dyad as fundamentals of sociability (on the example of extremist groups). We identified social and socio-psychological factors (social tension, instability, uncertainty, stratified social isolation, group status, perceived discrimination, group ideology), serving as prerequisites for extremism, which contribute to breaking ties in the “I – Stranger” dyad along with psychological predictors. The example of extremist groups has shown that, on the one hand, breaking these connections leads to an exaggerated sense of “We”, erosion of individuality, depreciation of one’s own life and “self-erasure” against the background of group superiority and narcissism, on the other hand, it leads to depersonalization, demonization and dehumanization of “Stranger”, positioning him / her as a person who is not fully human, a faceless enemy. It has been established that breaking connections in representations of “I – Stranger” interaction facilitates the process associated with losing a sense of self as a key point in the construction and cognition of the social world and its replacement by the collective “We”. The applied aspect of the problem under study is the possibility of using the results of the analysis for developing preventive socio-psychological programmes and trainings aimed at preventing extremism and religious radicalism in the young people’s environment.

Keywords: representation of “I – Stranger” interaction, total break of connections, extremist groups, group ideology, overvalued beliefs, group narcissism, the sense of “We”, depersonalization of “Stranger”, dehumanization of “Stranger”

For citation: Ryaguzova E. V. Breaking connections in the representations of “I – Stranger” interaction: Determinants and prerequisites (the case study of extremist groups). *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 3 (39), pp. 220–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-220-228>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из онтологических констант человеческого существования является диада «Я – Другой», причем оба ее компонента не существуют вне этих отношений, но, с одной стороны, даны и заданы ими, а с другой – сами их фундируют и определяют. Комплексная междисциплинарная рефлексия взаимодействия «Я – Другой» охватывает анализ различных подходов: экзистенциально-феноменологического, с позиций которого устанавливается граница между Я и не-Я; герменевтико-диалогического, в формате которого эти отношения выступают в качестве непрерывно продолжающейся коммуникации в контексте культуры; постструктуралистского, когда Другой позиционируется как культурный механизм и имманентная часть личности; социально-психологического, в рамках которого Другой является реальным Другим – представителем конкретно существующих или воображаемых групп, наделенным собственной оптикой видения, занимающим определенную статусную позицию, реализующим конкретные социальные роли, оказывающим воздействие на окружающих людей и испытывающим их влияние [1]. Межличностные отношения внутри этой диады характеризуются разной степенью понимания и принятия людьми друг друга, выступая показателем их доверия и открытости, маркером разного уровня напряженности и конфликтности. Крайними вариантами возможных отношений

внутри этой дихотомической пары является тотальное слияние Я и Другого – патологическая фиксация, растворение одного человека в другом (созависимость, потеря автономии, нарушение границ личного пространства) или, наоборот, полный разрыв отношений «Я – Другой», при котором отрицается право Другого не только на инакообразие и инакомыслие, но даже на жизнь и статус человека.

В рамках данной статьи нас интересуют личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой», в частности тот возможный экстремальный модус континуума отношений, который связан с обезличиванием и обезличиванием Другого, а в фокусе исследовательского внимания находятся репрезентации взаимодействия «Я – Другой» личности, вовлеченной в экстремистскую деятельность или одержимой и маниакально приверженной ортодоксальным идеям и учениям.

Цель представленного в статье исследования – изучение социальных и социально-психологических детерминант, способствующих и приводящих к разрыву связей в диаде «Я – Другой» как фундаментальном основании социальности (на примере экстремистских групп).

Гипотеза исследования: разрыв отношений в личностных репрезентациях взаимодействия «Я – Другой» полидетерминирован и связан с особенностями самокатегоризации личности, проявлениями интрагруппового нарциссизма и фаворитизма, а также обезличиванием, демонизацией и дегуманизацией образа Другого.

Социальные и социально-психологические предпосылки разрыва связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой»

Глобальные социально-экономические и политические потрясения (войны, революции, кризисы, дефолты, конфликты, пандемии), приводящие к социальной напряженности, нестабильности и неопределенности будущего, воспринимаются и переживаются отдельным человеком или социальной группой как тотальная угроза физической и психологической безопасности, личной и коллективной идентичности. Они разрушают базовое доверие человека к миру, фрустрируя потребность личности в самосохранении и защищенности, нарушают привычную повседневную жизнь людей и характер межличностных интеракций, усиливают внутри- и межгрупповую тревогу и агрессию, деформируют этические принципы и культурные коды группы, изменяют групповую ментальность, трансформируют картину мира и систему личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» [2–6].

Существование социальной общности в условиях стресса порождает у ее представителей не только сходные по качеству и интенсивности коллективные переживания и чувства, но и общие смысловые ориентиры, а также базовые когнитивные модели, сконструированные группой для защиты от множественных стрессоров и выступающие центром групповой ментальности. Будет ли группа реализовывать цели и программы, позволяющие справиться с кризисной ситуацией, или все время конструировать защитные когнитивные допущения? Выбор траектории развития группы зависит от многих факторов – степени и продолжительности групповой угрозы, ресурсов и капиталов группы, опыта преодоления сходных обстоятельств и контента коллективной памяти, группового мышления и групповой культуры как совокупности актуальных задач, стоящих перед группой, ее реальной конфигурации и нормативных схем предпринимаемых действий.

У. Бион, работая с терапевтическими группами, дифференцировал два вида групп по критериям цели и алгоритмов ее достижения. Первый вид – рабочие группы, ориентированные на реальность, результат и изменения и демонстрирующие готовность к фрустрациям и их преодолению, способность к рефлексии и самодетерминации. Второй вид – группы допущений, направленные на защиту имеющихся эмоциональных переживаний (агрессия, вражда, страх, беспомощность, оптимистические ожидания и благоговение) [7]. Для второго вида групп были обозначены три базовых допущения, которые в разных сочетаниях могут определять организацию и функционирование группы:

– допущение о зависимости, согласно которому есть кто-то, кто может все изменить и исправить, кому можно делегировать ответственность, кто выступит защитником и восстановит справедливость. Соответственно, культура зависимой группы ориентирована на поиск лидера и атрибуцию ему безграничной власти и ответственности;

– допущение о борьбе / бегстве, предполагающее наличие врага – внешнего или интрагруппового – и конструирование его образа. Врагу приписывается весь спектр отрицательных качества и свойств, с помощью которого объясняются происходящие негативные события. Соответственно, главной целью группы является борьба с врагом и его ликвидация или уход и спасение;

– допущение о поиске пары, связанное с иррациональной верой и примитивной надеждой на приход, появление мессии, который в будущем спасет группу от чувства отчаяния и ненависти, что в режиме «здесь и сейчас» приводит к отсутствию попыток со стороны группы решать текущие важные и значимые проблемы и откладыванию их решения на неопределенный срок.

Предложенную У. Бином типологию можно экстраполировать на другие виды групп, в том числе экстремистские, которые неоднородны по составу, композиции, структуре. Заметим, что достаточно часто отнесение той или иной организации к экстремистскому террористическому типу носит ситуативно-денотативный характер, обусловленный политическими императивами и государственной пропагандой, оптикой участника или стороннего наблюдателя, а также позицией СМИ и глобальной сети Интернет. Среди экстремистских групп есть организации с четкими политическими целями (борьба за независимость, суверенитет, возвращение территорий) и разработанной стратегической программой, в которой насилие и террор провозглашаются приемлемыми способами решения проблемы («Исламское движение сопротивления») (ХАМАС), в отличие от многих стран, не признанное Россией в качестве экстремистской организации, ETA – баскская террористическая организация, прекратившая в настоящее время свое существование). Есть группы базовых допущений, несколько оторванные от реальности как во времени, так и в пространственном контексте, представители которых используют защитную тактику и стратегию устрашения и устранения врагов, тотального подчинения лидерам и их обожествления, догматизации и трансляции сверхценных идей, реализация которых связана с убийством неверных в «священной войне» (движение «Талибан», «Братья-мусульмане», «Асбат аль-Ансар», «Священная война»). Вместе с тем нам близка точка зрения ряда исследователей, согласно которой для идентификации и обозна-

чения таких серьезных и опасных явлений, как терроризм и экстремизм, должны применяться универсальные правовые критерии, находящиеся вне рамок идеологических и даже этических предпочтений [8].

J. A. Piazza предлагает близкую типологию, выделяя два вида исламистских террористических групп – «стратегические», которые функционируют аналогично светским движениям за свободу и смену режима, и «абстрактные / универсальные», связанные с радикальным исламским терроризмом и аффилированные с сетью «Аль-Каиды» [9]. По мнению автора, эти группы отличаются организационными и целевыми структурами, что объясняет существенную разницу в количестве террористических актов и показателях летальных потерь от них. Для групп первого вида насилие есть способ достижения цели, активно протестуя и действуя, члены группы пытаются привлечь внимание к своим проблемам, желая быть услышанными и замеченными с помощью жестоких террористических ударов и нападений. Для групп второго типа насилие выступает самоцелью, «очищающим актом», показателем искренней приверженности своей борьбе. Организуя террористические атаки, они движимы желанием продемонстрировать собственное культурное превосходство над образом жизни противника, которого они позиционируют как существенно отличного от себя – недочеловека или не человека. Им не нужно общественное одобрение их действий, поскольку они ожидают получить духовное вознаграждение, объявляя «священную» войну целым обществам и культурам.

Еще одним социальным фактором, детерминирующим проявления экстремизма и религиозного фанатизма, выступает социальная изоляция группы, связанная с ее исключением из общего социально-экономического пространства, лишением доступа к ресурсам и доминирующим ценностям, многомерным разрывом контактов и социальных взаимоотношений. Можно солидаризироваться с мнением Т. Бурхардта, считающего, что социальная изоляция затрагивает все основные сферы – потребление, производство, политическое участие и социальное взаимодействие [10].

В этом контексте интересна точка зрения Б. Барри, согласно которой социальная изоляция нарушает принципы справедливости и девальвирует ценности солидарности, включает в себя поляризацию и социальную дифференциацию и имеет два порога, условно разделяющих всех членов общества на три группы: большинство общества – инсайдеры – локализовано между верхним и нижним порогом социальной изоляции; маргиналы, аутсайдеры сосредоточены за нижним порогом – это те члены общества, которые по разным причинам не могут участвовать в общественных институтах и отдалены от

них; представители общества, у которых нет необходимости быть включенными в социальные институты, располагаются за верхним порогом, демонстрируя самоисключение со стороны богатых [11]. Соответственно, не всегда, но чаще всего группа, находящаяся в социальной изоляции, стигматизируется – она политически отчуждена и не может влиять на принятие каких-либо важных решений, ее беспокоят вопросы статуса, репутации, признания и самооценки.

С социальной изоляцией тесно связана дискриминация, которая является еще одним важным фактором, способствующим радикализации группы. В этом контексте важно рассмотреть два взаимосвязанных аспекта дискриминации – воспринимаемую дискриминацию в отношении себя и ингруппы как социальный и психологический стрессор и дискриминацию по отношению к Другим, другой группе как основу интолерантного поведения личности. В многочисленных исследованиях, проведенных на разных группах и в связи с разными видами дискриминации (по полу, возрасту, расе, этнической принадлежности, сексуальной ориентации, массе тела), убедительно доказывается, что вне зависимости от ее вида, характера и продолжительности личность переживает воспринимаемую дискриминацию как психологический дистресс [12–16]. Установлено, что дискриминационный опыт негативно влияет на психическое и физическое здоровье личности, снижает ее адаптационные ресурсы и уровень самоконтроля, ухудшает эмоциональное состояние и уменьшает удовлетворенность жизнью, формирует враждебное и агрессивное отношение к окружающим, активизирует рискованное поведение [15]. При этом модератором связи между субъективно оцененной личностью дискриминацией и интенсивностью переживаемого ею стресса выступает психологическая поддержка со стороны ингруппы. Она, с одной стороны, способствует защите социальной идентичности личности, обеспечивая ей чувство принадлежности и родства, доверия и понимания, а с другой – ограничивает личностное развитие и самоопределение, замыкая ее коммуникации с окружающими, принуждая точно и неукоснительно следовать групповым нормам, ценностям и стандартам, требуя от личности толерантного отношения к внутригрупповому давлению. Заметим, что податливость групповому давлению со временем перерастает в твердую убежденность в абсолютной правоте групповых идей и действий.

Медиатором между осознаваемой дискриминацией и враждебными установками по отношению к представителям аутгрупп является конфликт или воспринимаемая несовместимость разных видов идентичности, например этнической и религиозной [17] или этнической и региональной [18].

В исследовании, проведенном В. А. Лабунской, показано, что осознание личностью себя в качестве объекта дискриминации не только остро переживается ею, но и имеет другие важные социально-психологические последствия. Так, личность, имеющая опыт в качестве мишени дискриминации, начинает принимать дискриминационное поведение Другого как допустимую норму и применять дискриминационные практики по отношению к другим людям или группам [19].

Безусловно, дискриминационные установки как регуляторы поведения, индивидуального и группового отношения к аутгруппам формируются не только в результате переживания личностью дискриминационного опыта – важными являются личностные свойства, уровень когнитивного, эмоционального и нравственного развития личности, а также особенности ее социализации и степень интегрированности в разные группы. Как показывает Р. М. Шамионов [20], источниками дискриминационных установок, помимо самой личности, выступают группа как их носитель и проводник, общество как устойчивая интегрированная система социальных структур, функций и связей, генерирующая в том числе и дискриминационные установки, и культура как хранилище ценностей, смыслов, артефактов, нарративов, традиций и художественного опыта.

Социальная изоляция и дискриминация приводят к духовной герметичности группы и ее замыканию на себя, вызванному отсутствием обратной связи и критического отношения к себе и миру, что неизбежно тормозит ее развитие, фасилизирует агрессивность, враждебность и нетерпимость по отношению к иным, отчуждение и обособление от других групп. Сходные страхи, тревоги и переживания, одинаковые история и опыт, замкнутая циркуляция информации, контакты только с себе подобными усиливают внутреннюю нормативную солидарность и актуализируют чувство «Мы», представляющее собой универсальную психологическую форму самосознания.

В случае с изолированной группой гипертрофированное чувство «Мы» как проявление жесткого этноцентризма наполняется следующим содержанием:

1) избранная группа со сверхценной идеей превосходства и исключительности (групповой нарциссизм и ингрупповой фаворитизм);

2) группа, с которой поступили несправедливо (акцентирование идеи необходимости восстановления справедливости любой ценой и поиск новых правил);

3) группа, которой извне никто не поможет (фокусирование внимания на идее недоверия и враждебности к окружающему миру и веры в собственные силы);

4) когерентная группа, целостности и существованию которой в данный момент угрожают (идея уязвимости и объединяющий эффект наличия общего врага);

5) группа, психологическим вознаграждением для которой является радикализация, связанная с изменением убеждений, чувств и поведения в направлении оправдания агрессивных действий, насилия и террора.

При этом следует заметить, что не все группы и не все члены групп будут одинаково реагировать на социальную изоляцию, демонстрируя приверженность радикальному экстремизму. Безусловно, возможен и другой исход – апатия, депрессия, попытки покинуть группу или ассимилироваться, – но в любом случае социальная изоляция имеет социально-психологические и личностные последствия и даже, как показывают современные исследования, вызывает изменения на нейропсихологическом уровне функционирования человека [21].

Идея избранности и превосходства как атрибутивное свойство группового сознания активно внедряется в групповую идеологию, которая, с одной стороны, формируется и укореняется в групповом сознании, а с другой – сама же его и формирует. Групповая идеология имеет надиндивидуальный статус, представляет собой набор социально-типичных репрезентаций и доминантных ценностей, консолидирующих норм и верований, поведенческих паттернов и эмоциональных переживаний, обязательных для принятия и соблюдения членами группы, а также воспроизводства в социальных практиках и дискурсивных манифестациях. Вместе с тем можно согласиться с мнением исследователей, что в конечном счете любая идеология – это всегда идеология распределения материальных, символических и властных ресурсов [22], инструмент группового интереса, конкуренции и конфликта, результат триангуляции социальных и когнитивных процессов, а также дискурсивных практик [23].

Групповая идеология – обязательный атрибут любой группы, маркирующий и обозначающий ее границы, демонстрирующий сходство или отличие от других групп. Необходимо отметить, что идеология экстремистских групп или групп религиозных фанатиков всегда включает в себя сверхценные идеи или переоцененные убеждения, которые описываются следующими смысловыми и оценочными характеристиками [24–27]:

1) высокая значимость конкретной идеи для человека и безусловное признание ее важности для сохранения определенной формы психического единства;

2) прочная связь с верой и абсолютное принятие священных ценностей (религиозных или светских), за которые каждый член группы готов сражаться и жертвовать собой;

3) глубокая поглощенность идеями, при которой она становится доминирующей целью личности, подчиняя все остальные устремления и элиминируя саму личность, размывая и стирая ее индивидуальность;

4) чрезвычайная устойчивость идейного контента, которая усиливается со временем и в связи с воспринимаемой угрозой, обусловленной отсутствием широкого признания;

5) распространенность идеи, ее принятие другими членами культурной, религиозной или субкультурной группы.

Как отмечает А. Круглянский с соавторами, идеология экстремистских групп включает три основных компонента: первый связан с нанесением группе физического, материального, репутационного вреда в прошлом или настоящем и переживанием несправедливости и обиды по этому поводу; второй имеет отношение к назначению конкретного виновника произошедшего – персонафицированного человека или конкретной группы, возможно, целых государств или культур; третий касается признания того, что насилие и террор являются морально оправданными средствами, поскольку с их помощью возможно устранение несправедливости, восстановление чести и достоинства группы, которая будет с уважением и благодарностью почитать своих героев или мучеников [28].

Важным следствием собственной исключительности и гипертрофированного чувства «Мы» является дегуманизация других групп. Заметим, что тенденция явно или неявно дегуманизировать аутгруппы продолжает оставаться актуальной чертой современного общества. Дегуманизация как механизм межгруппового насилия основана на восприятии и оценке других групп как недостаточно развитых и прогрессивных, культурно неполноценных и иррациональных, что приводит к отрицанию эксклюзивных человеческих качеств, чувств и переживаний у их представителей и позиционированию последних как объектов или даже животных.

Н. Хаслам выделяет анималистическую и механистическую формы дегуманизации [29]. При первой полагается, что члены враждебных аутгрупп обладают меньшим количеством уникальных человеческих атрибутов и коннотативно связываются с образами животных, наделенных чертами, вызывающими брезгливость, отвращение и неприязнь. При механистической дегуманизации представителям аутгрупп вообще не атрибутируются человеческие свойства, скорее это бездушные и безликие автоматы.

В более поздних работах, посвященных дегуманизации, акцентируется внимание на некоторых функциональных ограничениях этого механизма [30, 31] и подчеркивается метафорический смысл дегуманизации, подразумевающий

категоризацию аутгруппы по антропологическим признакам как совокупности людей, но недо-человеков по психологической сути, т. е. членам враждебных групп приписывают характеристики, типичные для людей, но а(анти)социальные по своей природе. Такая категоризация способствует актуализации негативных эмоций и чувств у тех, кто дегуманизирует [32], свертыванию эмпатических реакций на страдания чужаков, нежеланию вести с ними переговоры, проявлению коллективной агрессии и одобрению массовых жертв среди мирного населения [33].

Дегуманизация позволяет морально отстраниться от совершаемых действий, приводит к ослаблению внешних и внутренних нравственных запретов и психологических ограничений на насилие и способствует одобрению агрессии, жесткому (жестокому) поведению в отношении аутгрупповых Других, превращая их в недифференцированную массу и лишая прав, защиты и человеческого достоинства, порождая межгрупповую враждебность и конфликты. Среди основных факторов, приводящих к дегуманизации, выделяют низкий статус группы, ощущение исходящей от нее угрозы безопасности, физическому существованию и идентичности личности и группы, некоторые личностные черты (доминантность, авторитарность), а также воспринимаемую дегуманизацию со стороны другой группы – метадегуманизацию, порождающую взаимную дегуманизацию и агрессию, а также порочные круги конфликта [34, 35].

Выводы

Глобальная угроза физической и психологической безопасности личности и группы, идеологию и ценности которой она разделяет, стратифицированная социальная изоляция ингруппы, межгрупповая дифференциация и групповая поляризация, воспринимаемые дискриминация и несправедливость, интолерантное отношение к Другому и другим группам выступают социальными и социально-психологическими предпосылками разрыва связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой». Основными процессами внутригрупповых изменений и преобразований, способствующих разрыву, являются сформированное гипертрофированное чувство «Мы», основанное на идее превосходства, избранности и исключительности, а также демонизация, метадегуманизация и дегуманизация Другого, легитимация насилия по отношению к нему и оправдание террора.

Библиографический список

1. Рязузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия Я – Другой. Саратов : Научная книга, 2011. 304 с.

2. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Социальная стабильность : от психологии до политики. М. : Эксмо, 2011. 544 с.
3. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Психологическая безопасность как интегральный показатель этнической толерантности // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 22–32.
4. Zinchenko Yu. P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Т. 7, № 1. С. 23–33. DOI: 10.11621/pir.2014.0103
5. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat: Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism // European Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 48, iss. 5. P. 567–584. DOI: 10.1002/ejsp.2362
6. Тихонова А. Д., Дворянчиков Н. В., Эрст-Винтила А., Бовина И. Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305
7. Гринберг Л., Сор Д., Де Бьянchedi Э. Т. Введение в работы Бюна: группы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1–2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/vvedenie-v-raboty-biona-gruppy> (дата обращения: 17.06.2020).
8. Гуроров В. А., Шириянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54. DOI: 10.17976/jpps /2017.03.03
9. Piazza J. A. Is Islamist Terrorism More Dangerous?: An Empirical Study of Group Ideology, Organization, and Goal Structure // Terrorism and Political Violence. 2009. Vol. 21, iss.1. P. 62–88. DOI: 10.1080/ 09546550802544698
10. Burchardt T. Social Exclusion: Concepts and Evidence // Breadline Europe: The Measurement of Poverty / ed. by D. Gordon, P. Townsend. Bristol : The Policy Press, 2000. P. 385–406.
11. Barry B. Social Exclusion, Social Isolation, and the Distribution of Income // Understanding Social Exclusion / ed. by J. Hills, J. Le Grand, D. Piachaud. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 13–29.
12. Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 4. С. 19–33. DOI: 10.17759/sps.2016070402
13. Moradi B., Risco C. Perceived Discrimination Experiences and Mental Health of Latina/o American Persons // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53, iss. 4. P. 411–421. DOI: 10.1037/0022-0167.53. 4.411
14. Vogt Yuan A. S. Perceived Age Discrimination and Mental Health // Social Forces. 2007. Vol. 86, iss. 1. P. 291–311. DOI: 10.1353 /sof.2007. 0113
15. Pascoe E. A., Richman L. S. Perceived Discrimination and Health: A Meta-Analytic Review // Psychological Bulletin. 2009. Vol. 135, iss. 4. P. 531–554. DOI: 10.1037/a0016059.supp
16. Everett B. G., Onge J. S., Mollborn S. Effects of Minority Status and Perceived Discrimination on Mental Health // Population Research and Policy Review. 2016. Vol. 35, iss. 4. P. 445–469. DOI: 10.1007/s11113-016-9391-3
17. Hutchison P., Lubna S. A., Goncalves-Portelinho I., Kamali P., Khan N. Group-based discrimination, national identification, and British Muslims’ attitudes toward non-Muslims: the mediating role of perceived identity incompatibility // Journal of Applied Social Psychology. 2015. Vol. 45, iss. 6. P. 330–344. DOI: 10.1111/jasp.12299
18. Ленишкова З. Х., Лебедева Н. М. Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей) // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 125–138.
19. Лабунская В. А. Оценка мигрантами себя в качестве «мишеней» дискриминации как фактор принятия ими наблюдаемого этнолукизма // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 3 (11). С. 97–111.
20. Шапионов Р. М. Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 2 (26). С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/23049790-2018-7-2-129-135>
21. Canetti-Nisim D., Halperin E., Sharvit K., Hobfoll S. E. A New Stress-Based Model of Political Extremism: Personal Exposure to Terrorism, Psychological Distress, and Exclusionist Political Attitudes // The Journal of Conflict Resolution. 2009. Vol. 53, no. 3. P. 363–389.
22. Ильясов Ф. Н. Группа и групповое поведение // Социальные исследования. 2016. № 1. С. 1–20.
23. Van Dijk T. A. Ideology : A Multidisciplinary Approach. London ; Thousand Oaks, CA ; New Delhi : SAGE Publications, 1998. 384 p.
24. Katsafanas P. Fanaticism and Sacred Values // Philosophers’ Imprint. Vol. 19, no. 17. P. 1–20.
25. Rahman T. Extreme Overvalued Beliefs: How Violent Extremist Beliefs Become “Normalized” // Behavioral Sciences. 2018. Vol. 8, iss. 1. DOI: 10.3390/bs8010010
26. Logan M. H. Lone Wolf Killers: A Perspective on Overvalued Ideas // Violence and Gender. Vol. 1, no. 4. P. 159–160. DOI: 10.1089/vio.2014/0036
27. Hinschelwood R. D. Ideology and identity: A psychoanalytic investigation of a social phenomenon // Psychoanalysis, Culture & Society. 2009. Vol. 14, iss. 2. P. 131–148.
28. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Political Psychology. 2014. Vol. 35, iss. S1. P. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
29. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10, iss. 3. P. 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4
30. Harriet O. Seven Challenges for the Dehumanization Hypothesis // Perspective on Psychological Science. 2020. Vol. 16, iss. 1. P. 3–13. DOI: 10.1177/1745691620902133
31. Lang J. The limited importance of dehumanization in collective violence // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 17–20. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.02.002
32. Smith D. L. Paradoxes of Dehumanization // Social Theory and Practice. 2016. Vol. 42, no. 2. P. 416–443.

33. Bruneau E., Kteily N. The enemy as animal : Symmetric dehumanization during asymmetric warfare // PLoS ONE. 2017. Vol. 12, iss. 7, e0181422. DOI: 10.1371/journal.pone.0181422
34. Kteily N. S., Bruneau E. Darker Demons of Our Nature: The Need to (Re)Focus Attention on Blatant Forms of Dehumanization // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 26, iss. 6. P. 487–494. DOI: 10.1177/0963721417708230
35. Kteily N., Hodson G., Bruneau E. They see us as less than human: Metadehumanization predicts intergroup conflict via reciprocal dehumanization // Journal of Personality and Social Psychology. 2016. Vol. 110, iss. 3. P. 343–370. DOI: 10.1037/pspa0000044

References

1. Rязгузова Е. В. *Sotsial'naya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya Ya – Drugoy* [Social Psychology of Personal Representations of “I – Other” Interaction]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2011. 304 p. (in Russian).
2. Dontsov A. I., Perelygina E. B. *Sotsial'naya stabil'nost': ot psikhologii do politiki* [Social resilience: from psychology to politics] Moscow, EKSMO Publ., 2011. 544 p. (in Russian).
3. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. Psychological security as integrated indicator of ethnic tolerance. *Voprosy psikhologii*, 2019, no. 5, pp. 22–32 (in Russian).
4. Zinchenko Yu. P. Extremizm from the perspective of a system approach. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2014, vol. 7, iss. 1, pp. 23–33. DOI: 10.11621/pir.2014.0103
5. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat: Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism. *European Journal of Social Psychology*, 2018, vol. 48, iss. 5, pp. 567–584. DOI: 10.1002/ejsp.2362
6. Tikhonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. *Cultural-Historical Psychology*, 2017, vol. 13, iss. 3, pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.17759/chp.2017130305
7. Greenberg L., Sor D., De Bianchedi E. T. Introduction to Bion's Work: Groups. *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2001, no. 1–2. Available at: <https://psyjournal.ru/articles/vvedenie-v-raboty-biona-gruppy> (accessed 17 June 2020) (in Russian).
8. Gutorov V. A., Shirinyants A. A. Terrorism as a Theoretical and Historical Problem: Some Aspects of Interpretation. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 3, pp. 30–54 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03
9. Piazza J. A. Is Islamist Terrorism More Dangerous?: An Empirical Study of Group Ideology, Organization, and Goal Structure. *Terrorism and Political Violence*, 2009, vol. 21, iss. 1, pp. 62–88. DOI: 10.1080/09546550802544698
10. Burchardt T. Social Exclusion: Concepts and Evidence. In: Gordon D., Townsend P., eds. *Breadline Europe: The measurement of poverty*. Bristol, The Policy Press, 2000, pp. 385–406.
11. Barry B. Social Exclusion, Social Isolation, and the Distribution of Income. In: Hills J., Le Grand J., Piachaud D., eds. *Understanding Social Exclusion*. Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 13–29.
12. Labunskaya V. A. Theoretical and empirical approaches to the study of attitude to the discrimination of the ethnolookism. *Social psychology and society*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 19–33 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2016070402
13. Moradi B., Risco C. Perceived Discrimination Experiences and Mental Health of Latina/o American Persons. *Journal of Counseling Psychology*, 2006, vol. 53, iss. 4, pp. 411–421. DOI: 10.1037/0022-0167.53.4.411
14. Vogt Yuan A. S. Perceived Age Discrimination and Mental Health. *Social Forces*, 2007, vol. 86, iss. 1, pp. 291–311. DOI: 10.1353 /sof.2007.0113
15. Pascoe E. A., Richman L. S. Perceived Discrimination and Health: A Meta-Analytic Review. *Psychological Bulletin*, 2009, vol. 135, iss. 4, pp. 531–554. DOI: 10.1037/a0016059
16. Everett B. G., Onge J. S., Mollborn S. Effects of Minority Status and Perceived Discrimination on Mental Health. *Population Research and Policy Review*, 2016, vol. 35, iss. 4, pp. 445–469. DOI: 10.1007/s11113-016-9391-3
17. Hutchison P., Lubna S. A., Goncalves-Portelinha I., Kamali P., Khan N. Group-based discrimination, national identification, and British Muslims' attitudes toward non-Muslims: the mediating role of perceived identity incompatibility. *Journal of Applied Social Psychology*, 2015, vol. 45, iss. 6, pp. 330–344. DOI: 10.1111/jasp.12299
18. Lepshokova Z. Kh., Lebedeva N. M. Perceived discrimination and acculturation of Russians in the North Caucasus: The role of ethnic and regional identities incompatibility. *Social Sciences and Modernity*, 2016, no. 6, pp. 125–138 (in Russian).
19. Labunskaya V. A. Evaluation of the migrants themselves as “targets of discrimination” as a factor in their acceptance of the observed ethnolookism. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2018, vol. 3, no. 3 (11), pp. 97–111 (in Russian).
20. Shamionov R. M. Formation of Discriminatory Personal Attitudes in the Process of Socialization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 2 (26), pp. 129–135 (in Russian). DOI: 10.18500/23049790-2018-7-2-129-135
21. Canetti-Nisim D., Halperin E., Sharvit K., Hobfoll S. E. A New Stress-Based Model of Political Extremism: Personal Exposure to Terrorism, Psychological Distress, and Exclusionist Political Attitudes. *The Journal of Conflict Resolution*, 2009, vol. 53, no. 3, pp. 363–389.
22. Ilyasov F. N. Group and group behavior. *Journal of Social Research*, 2016, no. 1, pp. 1–20.
23. Van Dijk T. A. *Ideology : A Multidisciplinary Approach*. London ; Thousand Oaks, CA ; New Delhi, SAGE Publications, 1998. 384 p.
24. Katsafanas P. Fanaticism and Sacred Values. *Philosophers' Imprint*, vol. 19, no. 17, pp. 1–20.
25. Rahman T. Extreme Overvalued Beliefs: How Violent Extremist Beliefs Become “Normalized”. *Behavioral Sciences*, 2018, vol. 8, iss. 1. DOI: 10.3390/bs8010010

26. Logan M. H. Lone Wolf Killers: A Perspective on Overvalued Ideas. *Violence and Gender*, vol. 1, no. 4, pp. 159–160. DOI: 10.1089/vio2014/0036
27. Hinshelwood R. D. Ideology and identity: A psychoanalytic investigation of a social phenomenon. *Psychoanalysis, Culture & Society*, 2009, vol. 4, iss. 2, pp. 131–148.
28. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. *Political Psychology*, 2014, vol. 35, iss. S1, pp. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
29. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, iss. 3, pp. 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4
30. Harriet O. Seven Challenges for the Dehumanization Hypothesis. *Perspective on Psychological Science*, 2020, vol. 16, iss. 1, pp. 3–13. DOI: 10.1177/1745691620902133
31. Lang J. The limited importance of dehumanization in collective violence. *Current Opinion in Psychology*, 2020, vol. 35, pp. 17–20. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.02.002
32. Smith D. L. Paradoxes of Dehumanization. *Social Theory and Practice*, 2016, vol. 42, no. 2, pp. 416–443.
33. Bruneau E., Kteily N. The enemy as animal: Symmetric dehumanization during asymmetric warfare. *PLoS ONE*, 2017, vol. 12, iss. 7, e0181422. DOI: 10.1371/journal.pone.0181422
34. Kteily N. S., Bruneau E. Darker Demons of Our Nature: The Need to (Re)Focus Attention on Blatant Forms of Dehumanization. *Current Directions in Psychological Science*, 2017, Vol. 26, iss. 6. P. 487–494. DOI: 10.1177/0963721417708230
35. Kteily N., Hodson, G., Bruneau E. They see us as less than human: Metadehumanization predicts intergroup conflict via reciprocal dehumanization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2016, vol. 110, iss. 3, pp. 343–370. DOI: 10.1037/pspa0000044

Поступила в редакцию 27.12.2020, после рецензирования 13.01.2021, принята к публикации 16.06.2021
Received 27.12.2020, revised 13.01.2021, accepted 16.06.2021